

ряют смысл, так как в отсутствие сравнений в них сложно выделить типичное и временное, информация оказывается неструктурируемой.

Пространственный подход в исторических исследованиях приводит нас необходимости постепенного отхода от больших обзоров: со странового, макроуровня, стоит для начала перейти на мезоуровень – исследования регионов, на фоне материала по которым уже можно будет изучать локальные особенности. Обширность материала по региональной истории в Европе и значительное время существования «регионального дискурса», позволили европейским историкам перейти к изучению небольших локусов, но в российских условиях подражание им выглядит не до конца оправданным.

Региональные исследования для Юго-Западной Сибири, безусловно, не должны ограничиваться современными областными границами или губернскими границами 19 века. Желательны сравнительные исследования соседних губерний, связанных городов, сопоставление показателей по единицам низового АТД в пределах губерний. При этом границы исследуемых районов вполне могут меняться в зависимости от изменения исследовательских задач. Количество пространственных ракурсов рассмотрения определенной территории лишь углубляет понимание и усложняет полученную информацию.

Ю.А. Русина (Екатеринбург)

Художественная литература нового и новейшего времени как исторический источник: обретение прав

«В наше время искусство и литература больше, чем когда-либо прежде сделали выражением общественных вопросов...». Эти слова были сказаны В.Г. Белинским в 1847 году. С тех пор в практике исторических исследований вопрос о привлечении художественной литературы в качестве источника познания давно решен: историки уже много десятилетий используют ее в своих работах. Однако довольно распространенным являлось, да и сегодня остается таковым, мнение, что литературные произведения целесообразно привлекать в исторические изыскания лишь в том случае, когда количество других источников невелико, ограничено их видовое разнообразие. Вероятно поэтому, поэзия и художественная проза двух последних минувших столетий нечасто используется отечественными учеными как исторический источник.

В то же время, необходимо отметить, что проблема изучения художественных произведений неоднократно обсуждалась на протяжении XIX-XX веков. Значение изящной литературы отмечали К. Н. Бестужев-Рюмин, С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский. Известно более широкое толкование последним понятия «исторический факт», к которому ученый предлагал относить «не только события, но также идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени...». Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина высоко ценил и привлекал для изучения истории дворянства и крепостного права первой половины XIX в. В. И. Семевский.

Одним из первых советских исследователей, кто причислял поэзию и художественные произведения к числу исторических источников был Г. П. Саар. Во второй половине XX века примером использования художественной литературы как источникового материала при изучении новой истории является работа М. В. Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы» (1951). В исследовании раскрывается взаимовлияние художественной литературы и исторических документов. Глубоко исследовал динамику отношения литературы к реальности Д. С. Лихачев.

В 1960-е гг. на необходимость привлечения художественной литературы для изучения более поздних периодов развития истории страны обращали внимание В. И. Стрельский и А. В. Предтеченский. в ходе ряда дискуссий за это высказывались С. О. Шмидт и М. А. Варшавчик. А в докторской диссертации Л. Н. Пушкарева (1969), посвященной классификации русских письменных источников, художественная литература выделена в самостоятельный вид.

В последней трети прошлого столетия в научной и учебной литературе был решен ряд теоретических и методических вопросов работы с литературными источниками. Рассмотрены некоторые принципы и особенности их источниковедческого анализа с учетом специфики жанров, проанализированы возможности отражения действительности в произведениях художественного творчества; определены характерные черты художественной литературы как источник по истории культуры, быта, нравов, повседневного поведения, общественной мысли, политических и научных взглядов писателей.

И все же большинство ученых продолжали склоняться лишь к иллюстративному использованию произведений литературы. Хотя вопрос о познавательном значении литературных творений возражений не вызывал, но, при попытке обозначить эту роль термином «исторический источник», возникали споры.

В последние 10–15 лет произошла переоценка значения произведений литературы и искусства XIX–XX вв. для исторического знания. Согласно одной из общепринятых дефиниций понятия «исторический источник», художественное произведение создано в процессе целенаправленной и осознанной человеческой деятельности, а, следовательно, может быть использовано для познания прошлого. Под влиянием феноменологии усилилось внимание к языку как форме отражения действительности. За изучением языковых конструкций и речевых практик были признаны поистине неограниченные возможности для социальной истории. Появились учебные пособия, включающие художественные произведения в состав исторических источников.

Вопросам научной ценности, информационному потенциалу и методам изучения поэзии, прозы, драматургии уделяют внимание, как известные ученые, так и начинающие исследователи.

Методика изучения художественных произведений тесно связана с основной характеристикой этого вида исторических источников – наличием в нем вымысла. Вымысел – это не ложь, а, по словам Льва Гумилева, литературный прием, позволяющий автору донести до читателя ту мысль, ради которой он принял свой труд. Упоминания же исторических фактов, если таковые имеются, являются лишь фоном для сюжета, а использование их – литературным приемом. Обязательное обращение к вымыслу связано еще с такой характеристикой изящной словесности, как задача создания эмоционально-смысловой нагрузки, адресованной читателю, воздействия на его ум и чувства.

Источниковедческое исследование литературных произведений – это довольно сложный и трудоемкий процесс, который представляет собой, по словам А. К. Соколова, целую цепь опосредованных звеньев, делающих искусство историческим источником и отмечающих художественные условности. Этот процесс требует виртуозного владения основными элементами источниковедческого анализа, в особенности, его интерпретационной составляющей и филигранной точности в извлечении сведений. И здесь не обойтись без литературоведческих исследований и работ по социальной психологии.

Литература XX века чрезвычайно многообразна жанрово и семантически, а значит, источниковедчески перспективна. Но, наверное, особый интерес представляет ее совершенно нетронутый пласт – диссидентские художественные про-

изведения. Филологи уже неплохо потрудились в этой области, назвав ее «литературой сопротивления». Опираясь на их лингвистические исследования возможно получение новых знаний в сфере общественного сознания и сознания личности, социальной психологии, истории повседневности и т.д.

Печально известный процесс Синявского-Даниэля (1965) оставил нам произведения, когда-то опубликованные за пределами СССР под псевдонимом Николай Аржак. Это очень талантливая и тонкая проза, богатая сатирическими приемами повествования (с гротеском и гиперболой), восходящими к Н. Гоголю, М. Щедрина, М. Зощенко, иногда с фантастическим представлением повседневной действительности. Рассказы и повести Юлия Даниэля демонстрируют ясную гражданскую позицию, направленную против проявлений сталинизма в современном ему обществе. Бичуя зло, автор представляет его в гротескном виде.

Главным смыслом повести «Говорит Москва» выступает гуманистическая идея – «не убий». Тема этого произведения – индивидуальная и коллективная ответственность людей за все, что совершается в государстве. В рассказе «Руки» образно и метафорически осуждены перегибы красного террора первых лет советской власти. В повести «Искупление» изобличена атмосфера предательства, доносов и клеветы, которая была порождена культом личности. Информационный потенциал этих произведений представляется довольно многоплановым, выходящим на уровень исследования проблемы инакомыслия в культурном, социальном и психологических аспектах.

М.В. Сапронов (Челябинск)

Комфортность как важнейший параметр повседневности

В гуманитарных исследованиях последних десятилетий одним из самых востребованных направлений изысканий является история повседневности. Перефразируя известный посыл Л. фон Ранке, сегодня ученый хочет знать, *как на самом деле жили люди* в ту или иную эпоху. Редуцированная до уровня анализа законодательства и описания политических и классовых баталлий национальная история (история государства) уступает место другим историям – локальной, местной, устной, повседневной. Основным предметом последних выступает мир конкретных людей: отдельного человека, семьи, деревни, корпорации и т.п. Выражаясь языком Л.Н.Гумилева, современный историк жаждет смотреть на прошлое не с высоты птичьего полета, а с позиций самого человека и, даже, с точки зрения мыши. Мелкие детали быта, циклическую повторяемость элементарных действий и событий, локальные страсти и страстишки – все это исследователь стремится превратить в незамысловатый узор повседневности. Но здесь возникает вопрос – для чего, каким образом использовать этот узор? Или достаточно ограничиться простым созерцанием и описанием (любопытства праздного ради) того, как на самом деле жили люди? Многие работы, выполненные в рамках указанных направлений, действительно не выходят за рамки описательности.

Представляется, что подобный подход к изучению повседневности не совсем продуктивен; он не позволяет в полной мере осознать всю зрелищность и потенциал подобного рода исследований. Кроме того, простое описание повседневности таит в себе ряд ловушек когнитивного характера. Прежде всего, у современника, читающего концептуально неотформатированные зарисовки деталей прошлого быта, может сложиться весьма превратное представление об этом самом прошлом как о не совсем полноценном, скучном, несчастливом и т.п. Взирая на повседневную жизнь предков с колокольни сегодняшнего дня, он будет смеять-